

УДК 81'373.45

А.К. Казкенова,

к. ф. н. доцент Казахского национального педагогического университета
имени Абая, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: aimgul.kazkenova@mail.ru

Лексическое заимствование и принимающий язык: взаимное воздействие

Статья посвящена вопросу о взаимном влиянии иноязычных заимствований и заимствующего языка. Влияние принимающего языка выражается в формальном и семантическом освоении новой единицы. Кроме того, одним из аспектов освоения заимствования можно считать культурологический (концептуальный) аспект, предполагающий освоение понятия и обозначаемой реалии.

Со своей стороны заимствования также способны оказывать влияние на принимающую языковую среду. При этом данное влияние оценивается весьма неоднозначно (в русском языке с заимствованиями чаще всего связывается усиление аналитизма). Влияние иноязычного материала более заметно и значимо в литературном языке, нежели в неcodифицированных формах существования языка (просторечии, жаргонах, диалектах). В последних для автономного существования заимствований гораздо меньше возможностей – напротив, они подвергаются максимальной ассимиляции.

Ключевые слова: заимствование, принимающий язык, адаптация заимствованного слова, русский язык, литературный язык, неcodифицированные формы существования языка.

A.K. Kazkenova

Lexical borrowing and the recipient language: mutual influence

In the article the question of mutual influence of foreign-language borrowings and the recipient language is considered. It is known that influence of the recipient language is expressed in formal and semantic adaptation of a new unit. Besides, the cultural (conceptual) aspect which involves the adaptation of concept and designated reality can be considered one of aspects of borrowed words' assimilation.

In return borrowed words are capable to have impact on the accepting language environment. As it is represented, this influence is more noticeable and is significant in the literary language, than in not codified forms of existence of the language (colloquial speech, slang, dialects). The latter have less possibility for the autonomous existence of borrowed words; on the contrary, they are subject to a maximum assimilation.

Key words: borrowing, recipient language, adaptation of borrowed word, the Russian language, literary language, not codified forms of existence of the language

А.Қ. Қазкенова

Лексикалық кірмелер және қабылдаушы тіл: екіжақты ықпал

Мақалада шет тілдерден алынған кірме сөздер мен сол алған тілдің өзара ықпалы туралы қарастырылады. Қабылдаушы тілдің ықпалы жаңа бірлікті құрылыстық және мағыналық меңгеруден көрінеді. Одан басқа, кірме сөздерді меңгерудің тағы бір көрінісі ретінде ұғымдар мен белгіленген болмысты меңгеруді болжайтын мәдениеттанымдық (тұжырымдамалық) қырын көрсетуге болады.

Кірме сөздер өз тарапынан өздерін қабылдайтын тілдік ортаға ықпал етуге де қабілетті. Соның өзінде бұл ықпал бір мағыналы болып бағаланады (орыс тілінде кірме сөздермен көбінесе аналитизммен (жіктеу, ыдырау) байланысты). Басқа тілдің ықпалы тілдің жүйеленіп жинақталмаған түрлеріне (қарапайым сөздер, жаргон, диалектілер) қарағанда әдеби тілде көбірек байқалады. Соңғысында кірме сөздердің дербес жасауы үшін мүмкіндіктері аздау – керісінше, олар мейлінше өзгертулерге ұшырайды.

Түйін сөздер: кірме сөздер, қабылдаушы тіл, кірме сөздердің бейімделуі, орыс тілі, әдеби тіл, қолданылатын тілдің жинақталмаған түрлері.

Вовлечение заимствованных слов в принимающий язык представляет интерес как с точки зрения их приспособления к новой языковой среде, так и с позиций возможностей их влияния на данную языковую среду. На материале современного русского языка попытаемся рассмотреть, как осуществляется взаимное влияние иноязычного материала и принимающей языковой среды.

1. Влияние принимающего языка: аспекты адаптации иноязычного слова

Освоение заимствования в принимающем языке рассматривается как условие укрепления его статуса, оно определяет характер его дальнейшего функционирования. Как известно, степень и характер освоения заимствований определили сложившуюся в лингвистике классификацию иноязычных по происхождению обозначений (ср. группы варваризмов, экзотизмов, интернационализмов и т.д.). Данная классификация отражает и функциональные отличия заимствований разных разрядов.

Полное описание соотношения заимствования и иноязычного прототипа охватывает формальную и содержательную стороны обеих единиц.

Формальная сторона заимствований, ее отличия от формы иноязычных прототипов исследуется в следующих аспектах: фонематическом (+акцентологическом), грамматическом (+словообразовательном), орфографическом. При этом исследователи так или иначе ставят вопрос о минимуме, а также возможной градации формального освоения иноязычного обозначения. По замечанию Л.П. Крысина, следует четко различать «фонематическую субституцию (т.е. передачу слова фонемными средствами заимствующего языка), которая неизбежна при лексическом заимствовании, и фонетическое освоение заимствованного слова, приспособление его к фонетической системе языка-заимствователя», аналогично – «грамматическое оформление иноязычного слова в заимствующем языке» и «грамматическое освоение, приспособление заимствования к грамматической системе языка» [1, 37]. Если фонематическое и грамматическое оформление заимствования является обязательным условием его включения в систему принимающего языка (например, звонкие согласные должны заменяться парными глухими на конце заимствованных слов так же, как и в русских словах; все без исключения заимствованные глаголы должны подчиняться словоизменительным законам русского языка),

то вышеуказанные аспекты освоения факультативны (так, в русском языке для заимствований допускаются орфоэпические, грамматические и др. отступления: в этом плане можно говорить о существовании некоторых локальных участков, образуемых заимствованиями в общей системе русского литературного языка).

Существует определенная взаимосвязь между разными аспектами формального освоения слова: «сохранение иноязычной графической формы – существенное препятствие для фонетической передачи слова средствами заимствующего языка и для соотнесения его с соответствующими грамматическими категориями» [1, 39].

Формальные признаки того или иного заимствования часто могут служить критериями, по которым устанавливается его иноязычное происхождение (ср., например, традиционные для учебников по лексикологии современного русского литературного языка перечни специфических звуковых сочетаний, отличающих заимствованные слова от исконно русских).

Кроме того, в научной и учебной литературе указывается, что характер формальной адаптации зависит от влияния различных факторов: от степени различия систем взаимодействующих языков, от письменного / устного способа заимствования, от степени распространенности билингвизма / мультилингвизма, сходства / различия систем письменности и т.д.

Исследование семантической адаптации заимствований обычно осуществляется в русле одного из двух подходов, различия между которыми обусловлены разными представлениями об иноязычном прототипе.

С первой точки зрения прототипом признается слово как совокупность всех его значений, или лексема. Соответственно, и заимствование с этих позиций рассматривается как сформированная в той или иной степени лексема. Сопоставление заимствований и прототипов выявляет различие в системах значений. Отмечается, что заимствованию свойственно сужение семантической структуры прототипа.

Со второй позиции прототип представляет собой не лексему в целом, а конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ). Следовательно, заимствование расценивается как форма существования этого ЛСВ в другой языковой среде. При этом объектами сравнения уже являются отдельные значения, а не комплексы значений прототипов и заимствований, что дает

такому подходу определенные преимущества. Во-первых, очевидно, что анализ лексем разных языков, осуществляемый с первых позиций, в конечном итоге основывается на изучении составляющих их ЛСВ. Во-вторых, признание ЛСВ прототипом в большей мере соответствует «логике» заимствования: заимствуются, как правило, не лексемы, а отдельные значения. Второй подход позволяет сопоставить предметно-понятийную отнесенность разноязычных единиц. Обнаруживаются факты совпадения предметно-понятийной отнесенности прототипа и заимствования, сужения, расширения, полного изменения данного компонента лексического значения в заимствовании [2].

Описание семантического освоения заимствования предполагает анализ его включения в лексико-семантическую систему принимающего языка (в частности, его место в синонимических и антонимических парадигмах, а также в тех или иных стилистически маркированных группировках слов). Уточнение семантики нового заимствования происходит в том числе и в результате влияния системы принимающего языка, необходимости заполнения определенных лакун. Н.Б. Мечковская отмечает: «Если приток новых слов можно назвать экстенсивным развитием языка, то углубление нормативно-стилистических различий между уже существующими словами и формами предстает как интенсифицирующее развитие» [3, 367]. Безусловно, определение места заимствованного слова в лексико-семантической, а также стилистической системе языка является важнейшим показателем его семантического и функционально-стилистического освоения.

Вероятно, надо допустить существование еще одного аспекта освоения заимствования – культурологического, или концептуального, освоения. Действительно, помимо освоения формы и значения иноязычного обозначения, понятие, заложенное в нем, также должно освоиться коллективом говорящих на принимающем языке. Слово должно найти место в системе координат «свое – чужое», пройти этап «эмоционального» включения в речевой обиход. Этот аспект нашел отражение в описаниях экзотической и интернациональной лексики. Кроме того, он имеет прямое отношение к проблеме «заимствованное слово и национальная картина мира».

Таким образом, освоение заимствованного слова является неизбежным и необходимым в истории его употребления в русском языке.

Освоение заимствованного слова – многоплановой единицы языка – также является многоплановым процессом. От того, насколько освоено заимствование в русском языке в указанных аспектах, зависит частота и сфера его употребления в речи, что в конечном итоге влияет на его номинативные возможности.

2. Влияние заимствований на систему принимающего языка

Не меньший интерес представляет воздействие иноязычного материала на принимающую языковую среду.

Отличительной чертой русского литературного языка является существование в его системе отдельных подсистем, появление которых обусловлено заимствованием иноязычных элементов. Так, русская орфоэпия допускает сохранение твердости согласных перед *e* в заимствованных словах (*модель, партер, брейк, кредо, брудершафт* и т.д.), отсутствие редукции безударного гласного (*боа, бомонд*) и т.д. Разветвленная словоизменительная система русского литературного языка допускает наличие локальных групп несклоняемых существительных, двувидовых глаголов и т.д. В процессе грамматического освоения глаголов и некоторых существительных действует тенденция притяжения заимствованных основ и аффиксов, т.е. существует некий инвентарь аффиксов, используемых именно в кругу слов иноязычного происхождения [4, 180; 209]. Наличие этих локальных явлений в системе русского языка показывает его возможности принимать и адаптировать иноязычный материал, при этом данные явления, как можно судить по их достаточно длительному существованию в русском языке, не мешают его нормальному функционированию.

Тем не менее ряд показательных тенденций в изменении системы языка (прежде всего его фонетической и грамматической подсистем) зачастую связывается с иноязычными заимствованиями.

В связи с типологическими преобразованиями, прогнозируемыми для русского языка, в первую очередь отмечается неуклонный рост аналитизма. Так, в коллективной монографии «Русский язык и советское общество» стремление к аналитизму называется «одной из наиболее определенных» тенденций [5, 11]. Действие этой тенденции в морфологии русского языка отмечено и в книге [6, 327-344].

Данная тенденция подтверждается целым комплексом новых явлений, развившихся в

грамматике русского языка. Так, с ростом аналитизма связывается постоянное увеличение количества грамматически неосвоенных слов (конечно, в совокупности с другими явлениями).

Действительно, несклоняемые имена существительные, при отсутствии падежно-числовой парадигмы, выражают свои грамматические значения при помощи аналитических средств (предлогов, согласования с прилагательными и глаголами, управления со стороны глаголов и других слов и т.д.). Однако эта система аналитических средств выражения грамматических значений, компенсирующая отсутствие флексии, была сформирована вовсе не для «обслуживания» грамматически неосвоенных существительных. Использование аналитических, вспомогательных по своей сути, средств выражения грамматических значений традиционно актуализируется в русском языке для контекстуального разрешения весьма распространенной омонимии именных флексий. Использование же этих средств для выражения грамматических значений несклоняемых существительных – это их вторичная функция, в развитии которой можно усматривать действие закона языковой экономии и «рациональность» использования имеющихся языковых средств. Следовательно, сами по себе неосвоенные существительные не могут способствовать росту аналитизма в русском языке.

Неоднозначность оценки таких явлений порождает в русистике скептицизм относительно развития аналитизма в русском языке. Ср. фрагмент из учебника по морфологии современного русского языка: «По сравнению с предшествующими периодами количество аналитических форм в русском языке не только возросло, но даже уменьшилось» [7, 581-582]. Авторы учебника расценивают этот и ряд других фактов иначе – как усиление тенденции, сближающей русский язык с изолирующими языками [7, 589-590]. «Общеграмматическая оформленность» неизменяемых существительных как черта, сближающая русский язык с изолирующими языками, описана также Э.Д. Сулейменовой [8, 132-133].

Кроме несклоняемых существительных и так называемых аналитических прилагательных, все чаще выделяют еще одну группу наименований, структура которых противоречит типологическим признакам русского языка. На рубеже XX – XXI веков в русском языке появились многочисленные двусоставные единицы (называемые

«композирами», «комплексами», «составными словами», «сложными словами», «сложными именами»), статус которых вызывает споры среди лингвистов: *шоу-бизнес, топ-менеджер, секс-символ, Интернет-магазин* и т.д.

Подчеркнем, что языковые изменения, в которые вовлечены иноязычные заимствования, могут быть гораздо более заметными в литературном языке, нежели в некодифицированных формах языка (просторечии, жаргонах, диалектах), поскольку литературная норма может сдерживать внутренние процессы, действующие в языковой системе, и закрепить те или иные особенности иноязычного по происхождению элемента.

Интересно, что в некодифицированных сферах использования языка (в первую очередь в просторечии и жаргонах) наблюдаются во многом противоположные друг другу тенденции: с одной стороны, более свободное заимствование иноязычных элементов, с другой стороны, их более последовательное и интенсивное освоение. Сравнение литературного языка и некодифицированных форм выявляет решающую роль нормы в осуществлении и освоения иноязычного заимствования.

Так, использование глаголов в разных формах существования языка демонстрирует различия между последними. Как отмечают исследователи (Е.А. Земская, Е.В. Маринова и др.), «субстандарт намного превзошёл литературный язык по количеству заимствованных глаголов. Это связано с тем, что жаргон «охотно» принимает глаголы, называющие действия, для обозначения которых в литературном языке уже есть лексические единицы... Это совсем не свойственно литературному языку, в котором заимствованный глагол, даже при наличии синонима в языке-реципиенте, отличается от него семантическими или/и стилистическими оттенками...» [9, 25].

Появление «избыточных» глаголов с заимствованной основой (ср.: *аскать, лукать, отделеть* и т.д.) наблюдается в первую очередь в тех сферах, где широко распространено двуязычие. Кроме того, такие глаголы нередко призваны выполнять людическую функцию в русской речи: они «создаются не столько для практической потребности..., сколько для экспрессивного самовыражения говорящего, словесной игры, развлеченя...» [10, 84].

Таким образом, влияние принимающей языковой среды проявляется во всестороннем ос-

воениии заимствованного слова. Для тех или иных конкретных единиц это освоение может осуществляться в разной степени, но оно существенно для дальнейшего функционирования этих единиц в языке-реципиенте.

С другой стороны, заимствуемый материал, его объем и интенсивность вовлечения, все же не является для заимствующего языка принципиальным: изменения в грамматике могут происходить под влиянием регулярных, частотных лексических инноваций. Нормативность и кодификация литературного языка могут поддерживать существование специфических

участков, образуемых иноязычными единицами в грамматической и фонетико-фонологической подсистемах языка. Некоторые особенности, характеризующие сначала лишь подсистему заимствованных единиц, со временем могут распространяться и на собственные единицы литературного языка.

В отличие от кодифицированного языка другие сферы языкового существования показывают не только усиление иноязычного влияния, но и наличие других, альтернативных нормативному, способов его преодоления и сильнейшее «давление» грамматических сил русского языка.

Литература

- 1 Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
- 2 Загоровская О.В. Семантическое освоение лексических заимствований (финно-угорские заимствования в русских говорах Коми АССР) // Семантика слова и синтаксической конструкции / Сб.ст. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – С. 99 – 107.
- 3 Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: Курс лекций по общему языкознанию. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 584 с.
- 4 Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – Изд.2, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
- 5 Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 188 с.
- 6 Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – 480 с.
- 7 Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений РФ / С.И. Богданов, В.Б. Евтухин, Ю.П. Князев и др. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
- 8 Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. 2 изд. – Алматы: Демей, 1996. – 208 с.
- 9 Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. АДД. – М., 2008. – 44 с.
- 10 Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.

Referenses

- 1 Krysin L.P. Inoyazychnnye slova v sovremennom russkom yazyke. – M.: Nauka, 1968 – 208 s.
- 2 Zagorovskaya O.V. Semanticheskoye osvoeniye leksicheskikh zaimstvovaniy (finno-ugorskiye zaimstvovaniya v russkikh govorach Komi ASSR) // Semantica slova I sintaksicheskoi konstruktсии / Sb.st. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1987. – S. 99 – 107.
- 3 Mechkovskaya N.B. Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii: ot klinopisi do Interneta: Kurs lektsiy po obschemu yazykoznaniiyu. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 584 s.
- 4 Uluhanov I.S. Motivatiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka. – Izd.2 Ispr. I dop. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2010. – 320 s.
- 5 Russkiy yazyk i sovetskoye obschestvo (sociologo-lingvisticheskoye issledovaniye). Morphologiya i sintaksis sovremennogo russkogo yazyka / Pod red. M.V. Panova. – M.: Nauka, 1968. – 188 s.
- 6 Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985 – 1995). – 2-e izd. – M.: «Yazyki russkoy culture», 2000. – 480 s.
- 7 Morphologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshih uchebnykh zavedeniy RF / S.I. Bogdanov, V.B. Evtyuhin, Y.P. Knyazev i dr. – SPb: Facultet filologii I iskusstv SPbGU, 2009. – 634 s.
- 8 Suleimenova E.D. Kazachskiy i russkiy yazyki: osnovy kontrastivnoy linguistiki. 2-e izd. – Almaty: Demeu, 1996. – 208 s.
- 9 Маринова Е.В. Inoyazychnnye slova v russkoy rechi kontsa XX – nachala XXI vv.: problem osvoeniya I funktsionirovaniya. ADD. – M., 2008. – 44 s.
- 10 Chimik V.V. Poetika nizkogo, ili Prostorechiye kaka kulturnyi fenomen. – SPb.: Filologicheskii facul'tet SPbGU, 2000. – 272 s.